
РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 7 (501). С. 7–10.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(7(501):7-10.

Редакторская статья

УДК

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-501-7-7-10

«ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО» ОБРАЗОВАНИЯ И «НЕДОПРОИЗВОДСТВО» ЛЮДЕЙ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ

Дмитрий Александрович Плетнёв

Челябинский государственный университет; Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru, ORCID: 0000-0002-6494-572X

Ключевые слова: образование, качество образования, образовательная система, трансформация образования, рождаемость, демография

Для цитирования: Плетнёв Д. А. «Перепроизводство» образования и «недопроизводство» людей для экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 7 (501). С. 7–10. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-501-7-7-10

Editorial article

“OVERPRODUCTION” OF EDUCATION AND “UNDERPRODUCTION” OF PEOPLE FOR THE ECONOMY

Dmitri A. Pletnev

Chelyabinsk State University; Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru, ORCID: 0000-0002-6494-572X

Keywords: education, quality of education, educational system, transformation of education, birth rate, and demographics

For citation: Pletnev DA. “Overproduction” of Education and “Underproduction” of People for the Economy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(7(501):7-10. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-501-7-7-10

Движущей силой экономики всегда был человек. Об этом говорит и трудовая теория стоимости, и экономика знаний, и шumpетерианская, и кейнсианская теории, и марксистская политическая экономия. Роль и место человека в процессе эволюции общественного производства менялись и продолжают меняться, но он остается центральной фигурой. Кем и для кого делается всё в экономике. Это не всегда признавал экономический мейнстрим, равно как и экономические и финансовые власти, уравнивающие человека с капиталом финансовым и основными средствами. Для нашей страны, начиная с 2022 года, значение именно человека как фактора развития экономики, реактуализировалось, что проявилось как в увеличении объемов выпуска в промышленности (что существенно повысило спрос на «человека труда»), так и в необходимости переориентации вектора пространственного развития на сохранение удаленных от центра территорий (что во многом определило одну из национальных целей развития — повышение рождаемости и, как следствие, численности населения страны).

Два исходных тезиса. Первый, конфуцианский: любое движение вверх, развитие начинается с «исправления имен», т.е. с достижения одинакового понимания ключевых для этого понятий. Невозможно решить проблему низкой рождаемости, в риторике и нарративах настойчиво транслируя ее, без достижения единого понимания всеми того, что есть «низкая рождаемость». Потому как у чиновника, у молодой семьи, бизнеса «рождаемость» означает разное. У первого — показатель в отчетности, у вторых —

выбор жизненного пути, у третьих — либо помеха производству (в случае декрета), или — потенциальное увеличение трудового ресурса / клиентской базы. Аналогично и «качество образования». В законе это — соответствие стандартам, для работодателя — соответствие его изменчивым ожиданиям, а для самого человека — еще что-то третье. И так практически во всех важных сферах современной жизни. Наше общество растет, усложняется, и вместе с этим становится гораздо более «хрупким» (в трактовке Н. Талеба), решая возникающие проблемы тем, что создает новые, более сложные и потенциально более опасные.

Второй, системный: никакая проблема не может быть познана и, тем более, решена, на том уровне, на котором она возникла. То же качество высшего образования (допустим, в трактовке работодателя) — на поверхности лежит решение привлечь к процессу разработки программ и для итогового контроля работодателей, опрашивать и оценивать карьеры выпускников, и на этих основаниях судить о том, где образование качественное, а где нет. Однако, если взглянуть на проблему чуть шире, то упомянутые результаты — это «симптоматическое лечение», поскольку корень проблемы в деградации самой системы по причине хронического недофинансирования и постоянной, почти шизофренической двойственности: то ли считать образование услугой, со всеми вытекающими последствиями (спрос, предложение, ценообразование, формализуемый контроль качества, сертификация и т.п.), или — трансцендентный процесс «научения жизни» (или, если угодно «единства обучения и воспитания»), сродни религиозному служению. Система образования сохраняется во многом вопреки усилиям ее управляющей подсистемы, она держится на энтузиастах: учителях, управленцах, методистах, которые видят свое предназначение в служении обществу, в передаче знаний и ценностей подрастающему поколению. Сложившаяся сегодня концентрация ресурсов в системе образования провоцирует их дальнейшую концентрацию: деньги идут к деньгам, гранты к грантам, ученые к ученым, отличники — к отличникам. И попытки усилить пресловутую борьбу за качество образования будут лишь усугублять эту концентрацию (как это было в ходе массового отзыва лицензий у вузов и закрытия филиалов, а также реализации различных программ для «ведущих университетов»). Система, которую постоянно одергивают и пытаются настроить кардинальными регулирующими воздействиями, не будет способна к самораз-

витию. Она утратит это функционал за ненадобностью.

Теперь — непосредственно по заявленной теме. Очередной виток трансформации образования вновь отмечен своеобразной «охотой на ведьм», поиском виноватых в действительных и мнимых проблемах отдельных вузов и всей системы. И уже в который раз проблемы с низким интересом к отдельным направлениям, специальностям или вузам объясняются внешним «врагом»: «развелось много экономистов (юристов, психологов)», «по-наоткрывали непрофильные вузы наших направлений и специальностей» и т.п. И как легкое решение — запретить, сократить, ограничить. Для конкретных хозяйствующих субъектов (вузов) проблема и мотивация понятны — увеличить количество и / или качество студентов. И они вполне полномочны ее решать. Самостоятельно, используя свои силы и средства. Но давайте зададим простой вопрос: в чем проблема, которую мы стремимся решить, для всей страны (раз уж к ее решению привлекаются федеральные ресурсы)? В избытке ли возможностей для абитуриентов, или в том, что некоторые жизненные траектории не видятся им привлекательными? Если второе, то усилия следует направлять именно туда, на формирование образа для подражания: в новостях, в социальных медиа, в кино/сериалах, в их повседневной жизни. Это не так быстро, но оно того стоит. А для тактических целей (к примеру, нужно сегодня больше рабочих и инженеров) и средства должны быть тактическими — бесплатные программы переподготовки, высокие зарплаты и иные быстрые стимулы.

С рождаемостью — та же история. Есть общие, долгосрочные тренды, которые подробно описаны, и нет их нужды здесь повторять. Как следствие этих трендов — снижение готовности рожать у молодых семей и вся та грустная статистика в этой сфере. Есть опыт (положительный) — в первую очередь с изначальной версией материнского капитала. И есть сегодняшние инициативы, как на федеральном, так и на региональных уровнях, как будто соревнующиеся друг с другом в абсурдности (от налога на бездетность до выключения интернета по ночам). И при этом очевидно, что потребность не только «иметь детей», но и воспитать их достойными гражданами — есть потребность более высокого порядка, и ее актуализация невозможна просто через запреты, ограничения и порицание. Почему «сработал» материнский капитал — потому, что он пришел на подготовленную почву, при уже складывающейся уверенности в за-

вtraшнем дне он просто стал триггером решений о втором ребенке. Сегодняшний же спад рождаемости, в первую очередь, известным всем демографом долгосрочным трендом, нашей уникальной половозрастной структурой населения, с «ямой», оставшейся после Великой Отечественной войны. И именно поэтому женщин в самом репродуктивном возрасте (от 20 до 34 лет) сейчас почти в полтора раза меньше, чем было в 2010 году (13,4 млн. против 18,2 млн., по данным Росстата). И именно поэтому рождаемость сегодня так же, почти в полтора раза ниже, чем была в 2010 (1,25 против 1,79). Потому как рассчитывается этот коэффициент, так пугающий некоторых чиновников и депутатов, в расчете на всё население, которое почти постоянно. Иными словами, желание семей рожать и воспитывать детей осталось неизменным, несмотря на неблагоприятные внешние обстоятельства (нестабильность в мире, пандемия, инфляция). И теперь сама проблема уже видится под новым углом. Как и ее решение. Но это, пожалуй, тема отдельной статьи.

Еще более интересные результаты может дать анализ двух упомянутых проблем в совокупности: экономике не хватает кадров (полагаю, квалифицированных, быстро обучающихся, «высокопроизводительных»), особенно в регионах. В чем здесь основной резерв? Во-первых, в росте производительности труда, что определяется во многом качественной организацией производства и мотивацией работников. Во-вторых, в сбережении населения на территориях, удаленных от экономических центров страны, так как именно здесь и проявляется наиболее остро «кадровый голод». И ни первое, ни второе не достигается постоянными реструктуризациями образовательной системы, перекладыванием «бюджетных мест» из ВО в СПО и обратно, новыми ограничениями для абитуриентов, новыми названиями образовательных программ или новыми критериями оценки ректоров.

Ответ прост, он в возвращении субъектности как вузам (особенно — региональным), так и преподавателям, вращивании саморазвивающихся образовательных систем. И чем больше полномочий будет передано «вниз», тем скорее мы увидим результат. Ну а для контроля и точечных корректирующих воздействий у государства более чем достаточно имеющихся механизмов.

И, в заключение темы, хотел бы упомянуть одну теорию, разработанную академиком Г.Б. Клейнером [1]. Он предложил классификацию систем по двум основаниям: ограниченности / неограниченности в пространстве (обозначим эти свойства ОП и НП) и, аналогично, ограниченности / неограниченности во времени (ОВ и НВ). Так получилось четыре типа систем, к оценке и управлению которыми следует подходить, понимая их специфику. Системы, ограниченные в пространстве и во времени (ОВ+ОП) он называет проектами, ОВ+НП — процессами, НВ+ОП — фирмами, а НВ и НП — средами. Такая классификация дает понимание того, как различные системы взаимодействуют, а также как ими следует управлять для достижения требуемых результатов. И образование, и расширение семьи — это результат работы системы среднего типа (образовательной среды, семейной среды — в широком смысле). И управлять такой системой нужно, принимая во внимание ее безграничность как в пространстве, так и во времени. Обычная проектная логика, хорошо работающая при строительстве дорог и инфраструктурных объектов, здесь работать не будет. Как и «производственная» терминология, вынесенная в заголовок статьи. Настало время формировать нарративы, отражающие наши традиционные духовно-нравственные ценности, на деле показать их ценность для государства, возвращать лучшие человеческие качества, и тогда те частные, ограниченные во времени и пространстве проблемы, уйдут сами.

Список источников

1. Клейнер Г. Б. Системная парадигма и теория технологий // *Terra Economicus*. 2024. Вып. 22 (4). С. 6–18. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-4-6-18.

References

1. Kleiner GB. Systems paradigm and theory of technology. *Terra Economicus* = *Terra Economicus*. 2024;22(4):6-18. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-4-6-18.

Информация об авторе

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics.

Статья поступила в редакцию 02.05.2025; одобрена после рецензирования 05.06.2025; принята к публикации 15.06.2025.

The article was submitted 02.05.2025; approved after reviewing 05.06.2025; accepted for publication 15.06.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.